

**МОНГОЛЬСКАЯ СЕЛЬСКАЯ (ХУДОНСКАЯ) ПРОЗА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
ТВОРЧЕСТВО Б. НЯМЫ**

Монголия – страна аграрная. Несмотря на достаточно бурный процесс урбанизации в конце XX века, большая часть населения по-прежнему живет в сельской местности – по-монгольски, в худоне. Молодежь стремится в города, особенно в столицу, Улан-Батор. Кроме того, многие молодые люди, подхваченные волной рыночной стихии, путешествуют по разным странам мира, начиная от России, Китая, Южной Кореи, стран Европейского Союза и заканчивая такими экзотическими землями, как юг Африки, куда не доходила даже конница Чингисхана. Несмотря на активную вовлеченность в процессы урбанизации и глобализации и, несмотря на постепенную утерю своего бывшего значения как главного символа Монголии и монгольского образа жизни, худон, тем не менее, во многом определяет экономическую и психологическую атмосферу в стране. Худон по-прежнему дорог сердцу монгола.

Не удивительно, что худонская, сельская тема долгие годы, практически на всем протяжении XX века, являлась одной из ведущих тем в монгольской литературе. И одним из самых верных последователей её являлся Б. Няма, посвятивший этой теме большое число, точнее, практически все свои многочисленные рассказы, повести и романы. Как настоящий певец худона, он воплотил в своем творчестве большой пласт культурных и иных традиций, идущих из глубины веков. В частности, в его творчестве, возможно, в большей степени, чем в творчестве других писателей, воплотились эпические традиции, присущие народному творчеству и дореволюционной словесности. Однако, эта эпичность трансформирована в новую поэтику, поэтику литературы XX века.

Конечно, Б.Няма не был единственным творцом художественной прозы. Ввиду значимости этой темы, в ней работали многие другие писатели. Просто в творчестве Б. Нямы наиболее последовательно воплотились принципы этого направления в монгольской литературе XX века. Главные – глубокое, внутреннее знание художественной жизни и описательно-аналитическое ее воссоздание с сохранением правды характеров и житейских коллизий.

Художественная проза всегда стремилась быть близкой к современности. Ее авторы, как правило, уделяли большое значение сбору конкретного материала. Для этого они выезжали в длительные командировки. Например, Д.Мягмар перед написанием романа «На перепутье дорог» год прожил в одном из аймаков. Ц.Цэдэнжав, уже будучи профессиональным писателем, пять лет проработал председателем сельскохозяйственного объединения. Эти годы дали материал для романа «Весеннее тепло». В начале 50-х годов Ж.Пурэв занимал пост заместителя министра сельского хозяйства. В литературном своем творчестве он выделяет круг социально-производственных проблем, что можно видеть, в частности, в своеобразном ракурсе повести «Честь». Л.Тудэв учительствовал в Гоби-Алтайском аймаке, долгое время прожил рядом с прототипами героев будущей дилогии «Кочевье - Оседание». Такая же предыстория создания романа Л.Чойжилсурэна «Роса на траве» и многих его повестей. Б.Бааст, не удовлетворившись исследованиями жизненного материала, выезжал в целинное хозяйство к своим героям и читал им повесть «Дарьсурэн» в рукописи, доработав затем ее после их замечаний. Примеры эти можно множить дальше¹, но, пожалуй, среди них не встретить такого длительного изучения определенного жизненного пласта и героев, как у Б.Нямы.

В литературу он пришел уже не молодым человеком, с большим жизненным опытом, основу которого составляла работа в художестве, в том числе, на посту председателя сомона, средней административно-территориальной единицы в Монголии.

Б. Няма писатель одной темы - темы жизни художника. В его

¹ С примерами изучения монгольскими писателями жизненного материала можно ознакомиться в интересном исследовании известного литературоведа Г. Жамсранжава: Жамсранжав Г. Уран сайхан ертонцод хийсэн сурвалжлага. Уб., 1975. 105-106-р тал.

произведениях, какого бы жанра они не были, можно выявить общность темы, человеческих типов, модели социума, писательской манеры. Его рассказы, повести и романы объединяет общее пространство: зимовье на склонах лесистых гор, летовки в долинах спокойных рек. Даже топонимика общая в некоторых произведениях: гора Мааньт-уул, вершина Тахилт-Хайрхан, реки Онон и Шивэр. При желании, писатель мог бы представить место действия повестей на карте, где фигурировали бы подлинны и вымышленные названия гор, рек, долин, ущелий. Даже ущелья, овраги, речки, родники, рощи имеют у него свои названия. Этим он напоминает У.Фолкнера – певца американской глубинки. Действие романов У.Фолкнера происходит в течение жизни нескольких поколений героев, живущих в обособленном локальном мире провинциальной деревушки и городка. Топонимика этих романов, как и у Б.Нямы, переходит из произведения в произведение.

Время действия в прозе Б.Нямы, как правило, тоже означает и маркируется. Его можно довольно точно определить по тем или иным точным приметам. Большой частью оно недавнее прошлое: для повестей конца 60-х и 70-х годов («Гомпил», «Родственники», «Дети») - это середина или вторая половина текущих десятилетий. Иногда время протягивается назад, к узловым историческим моментам - к началу 20-х годов («Женщина из местности Чулуут»), к 45-му («Старик Дандий»). Практически он описывает жизнь своих современников – представителей двух-трех поколений, живших на протяжении XX века.

Словом, мир Б.Нямы четко обозначен, конкретен во времени и пространстве. Каждая повесть имеет свою проблематику, своих героев, особую подробную топонимику, но вместе дают протяженные во времени и вариантах частные и общие судьбы одного края и его обитателей. Тем не менее, этот мир не обособлен, за ним проецируется современная жизнь и прошлое всего монгольского худона.

Б.Няма не претендует на открытие в области художественного творчества. При всей самобытности манера его письма спокойная, уравновешенная, направлена, кажется, лишь на точное изложение событий, с их подробностями. Автор редко выступает с собственными характеристиками, не использует специаль-

ного повествователя, не прибегает к экспрессии, ни в сюжете, ни в языке. Демократичен по отношению к героям. Центральные персонажи, как правило, все осуществляют право на суждения и мысли (внутренние монологи). Речь персонажей индивидуальна и естественна.

Автор не создает иллюзии показа изнутри мира произведений. Авторская позиция подвижна и не сливается с персонажными. Повествование - не репортаж, не лирическая передача впечатлений, не пересказ с чьих-то слов или чьих-то знаний. И в то же время автор не demiург, сотворивший на наших глазах вымышленный мир. Словом, автор - подлинный эпический повествователь, заинтересованный данными событиями и участниками их, но передающий их отстраненно ради полноты зрительного (читательского) интереса. Устраняющийся, чтобы описываемый мир заговорил сам. Осуществлялся сам по собственным своим законам. Словом, Б.Няма плоть от плоти эпический писатель, использующий все средства эпического воздействия на читателя с целью создания эпических иллюзий. А главная эпическая иллюзия - это видимость внутреннего «автономного» развития художественного микрокосма. Понятно, что пока мы говорим о принципах творчества писателя, не затрагивая вопрос качества их осуществления.

Композиция повестей также выглядит весьма естественной, не преднамеренной. Ретроспекция возникает как бы случайно, параллельные сюжеты чередуются или соприкасаются тоже как бы по воле событий. Временной масштаб постоянно пульсирует: то становится чуть ли не ежесекундным, то с летописной небрежностью откидывает месяцы. Эти перепады опять-таки представляются неизбежными, ненасильственными. То есть, Няма использует самую естественную разновидность жанра - повесть «форма времени». При общей ненавязчивости манеры легко упустить из виду, что сюжеты его произведений весьма драматичны, строятся на сопоставлении и конфликтах. Но противоречия вырастают изнутри, из характеров, из сшибки разных позиций, героев между собой и главное - из отношения персонажей к социуму и времени. Конфликты, драмы порождаются историческим процессом, в который вовлечены все действующие лица. Самые хитрые, изворотливые из них могут обмануть людей, свое

окружение, но бессильны против течения времени, тенденций, которые то несет. Повести Нямы историчны. Вот почему, углубляясь в микрочайку монгольского общества – аил – маленькое кочевое селение, или еще глубже - в семью, Няма вскрывает за повседневными делами ход общего исторического времени.

В этом сила писателя. В соотнесенности самых широких масштабов с индивидуальными - суть победы реализма в монгольской литературе, проявившаяся не только в творчестве Б.Нямы и других писателей второй половины XX века, но и их предшественников: Д.Нацагдоржа, С.Буяинэмэха, Д.Дамдинсүрэнэ, Б.Ринчена, Ч.Лодойдамбы, Д.Намдага и других авторов 20-50-х годов. Б.Няма продолжает эпические традиции, самые могущественные в национальной литературе.

Есть у него и ближайшие предшественники. Как настоящий эпический автор, он не боится общих мест, если те вбирают в себя существенные явления. Уже по внутренним коллизиям его повести продолжают прозу начала 60-х годов. «Родственники» (1968) как бы непосредственно подхватывают конфликты «Степного цветка» Бямбы, «Сути человека» Уламбаяра и близких к ним романов середины 60-х годов. Но оппозиция единоличник – нэгдэл (коллективное хозяйство) уже не внешняя, за пределами сельхозобъединения, а превращена в психологическое противостояние внутри коллектива. Процесс кооперирования уже давно закончен, принеся победу коллективной форме хозяйствования. Как всякая монополия, она отнимала свободу и деформировала производственные и человеческие отношения. Это хорошо видно на судьбе бывшего единоличника. В прозе 1950-х годов он рисовался как упорный оппонент передовых коллективных форм хозяйствования и, соответственно, людей, собравшихся в сельхозобъединении. В прозе единоличник выглядит анахронизмом. Ему сложно было бы выжить в сложившихся производственно-экономических отношениях. Он прекрасно знает это сам - на конъюнктуру у него отличный нюх, - и поэтому сам вступил в объединение. Там он на хорошем счету, хотя старается больше для себя, чем для коллектива.

Дорлига из повести «Родственники» Б.Нямы прозвали «Бывалый». Знакомимся мы с ним в тяжелую пору для других героев - Дэжид и ее дочери, школьницы старших классов Оюунчи-

мэг и малолетнего сына Болда - на похоронах главы семьи, Амарсэнгэ, мужа и отца. Дорлиг проявляет заботу: берет осиротевшую семью к себе. Родной ли их дядя, интересуется председатель объединения, когда Дорлиг пришел к нему с просьбой отпустить Дэжид. Она дочь старшей сестры Дорлига. Председатель разводит руками: «Что ж вам и решать». Между тем, Дэжид - лучший овощевод нэгдэла, она могла бы сама прокормить детей. Знаменательно, что об этом никто не подумал: ни сама вдова, ни председатель, ни тем более Дорлиг. Патриархально-родовые отношения здесь действуют почти автоматически. Старший родственник - мужчина может и обязан возложить на себя заботы о младших, пострадавших родственниках. В этом смысле Дорлиг выше всех похвал, он даже отписывает племяннице часть своего личного стада. «Я, знаете ли, их должник. Все достояние предков досталось мне одному. Это только начало. И дальше буду помогать им. Кровным родичам коров не жаль» (Здесь и далее перевод монгольских текстов наш - Л.Н.).

Члены комиссии дружелюбно улыбались...». Дэжид потеряла голову от счастья, то плача, то смеясь, от переполнявших ее чувств. Так живет их небольшой чабанский аил, состоящий из двух семей, Дорлига и Дэжид. Овец пасет Оюунчимэг. Кухня на тетушке Шарилдай, Дэжид обшивает всех. Дорлиг часто выезжает из дому, возвращаясь с обмененными иноходцами. Он - страстный лошади, зато во всем остальном весьма умеренный, положительный человек. Не любит проводить время за праздными разговорами. Игральные кости и карты для него не больше, чем пестрые кубики и листки. Не суеверен, в отличие от сверстников не держит дома божницы. Водка для него, что волчий яд, не притронется. Не пил даже на поминках зятя. Словом, он предстает серьезным человеком. При сдаче овец в отаре Дорлига лучший по объединению нагул. Его представляют на поездку в столицу, на совещание передовиков. Но только когда просят выступить в нэгдэлэ с опытом работы, он, вооружившись карандашом и бумагой, подступает к Оюунчимэг. За овцами ходит только она одна. Дорлиг было подумал, не взять ли ее с собой в Улан-Батор. Но беспокойство за отару, основы своего благополучия, перевешивают над чувством благодарности.

И так во всем. Дорлиг прежде всего думает о деле, но применительно к своей выгоде. Поэтому он не любит пустого времяпровождения. Мысли его заняты планами, и он долгое время незаметно заправляет жизнью обитателей айла. За опекой семьи Дежид, подарками, крылась прагматическая подоплека. Дежид только в конце повести понимает, что дядюшка обманул с подарками. Это был способ укрыть излишек личного скота. «Дежид вдруг осела в седле, как будто под ногами оборвались стрелы. Оборвалась ниточка веры».

Зато Оюунчимэг хорошо разобралась в прагматизме Дорлига. Тот держит при себе Сангидовдона, дальнего родственника своей жены, внося его имя в айльные документы и записав на него соответствующее количество скота из собственного стада. В хозяйстве от Сангидовдона никакой помощи, он веселый, но безалаберный и безвольный городской парень. Не ужился с отчимом, не потянул институт и вот махнул к тетушке. Девушка думает о нем: «От твоей молодости, сил, ума дядюшке ничего не надо. Имя только и нужно... Документ ему дороже самого человека. Если бы можно, ездил бы, как Чичиков, собирая мертвые души». Но при всей своей проницательности, она не может догадаться обо всех его планах. Например, выдать замуж ее за Сангидовдона, чтобы навсегда привязать трудолюбивую девушку к своему хозяйству. Оюунчимэг прямо не противостоит ему. Она еще молода, привычна к уважению старших, да и жаль матери, благоговеющей к дядюшке. Однажды уехала из айла в поселок, пошла было снова в школу, но вернулась, уступив доводам старика. Словом, в разоблачении и поражении Дорлига, кажется, нет ее активного участия. Сопротивление ее глухо, прикрито слоем патриархальных приличий, но Дорлиг вынужден так считаться с ней. Характерна следующая сцена. Однажды к пастбищу приковыляла на самом смирном коняге тетушка Шарилдай. Говорит, что дядя велел девушке ехать домой, отдохнуть, сегодня праздник, 8 марта. «Вы же сама женщина», - подчеркивая слова, сказала Оюунчимэг. Шарилдай поспорила немного с девушкой, и не осилив, повернула домой.

- Ага, намекает на меня, - потирая лысину, произнес Дорлиг.
- Чтобы я походил за овечками. И послал Сангидовдона.

От Оюунчимэг не следовало ожидать более активной фор-

мы бунта. Семнадцатилетняя девушка сделала все, что было в ее силах. Не осуществился ни один из планов Дорлига относительно ее. Со временем она выходит замуж по любви за табунщика Бямбу и переезжает с матерью к мужу. «Подаренных» дядей быков сдает в объединение. Дорлиг погнал было их на продажу, но его вернули с пути. Формы ее бунта трансформируются на протяжении повести. Поначалу она не настолько свободна внутренне, чтобы сразу противостоять хитрому родственнику. Девушка меняется на наших глазах. Через Оюунчимэг показывается такой рост самосознания человека, когда абстрактные на первый взгляд идеи и представления, проверяясь опытом, становятся кровной основой мировоззрения. Вот это и является главной ценностью, которой автор делится с читателями. Историзм повести углубляет доказательность художественного содержания.

Избрав в следующей повести «Первый год» знакомую художественной прозе сюжетную ситуацию: в нэгдэл приезжает молодой специалист, - Няма решает ее в ином, чем прежние авторы, аспекте. Так, например, в повести «Честь» Ж.Пурэва доминировали производственные мотивы. Повести О.Бямбажава «Будни светлой дороги» и Б.Багзсурэна «В одной семье» пытались смягчить заданность произведений на производственную тему межличностными отношениями. Повесть же «Первый год» уточняет самую исходную ситуацию.

Авторы прежних повестей, надо полагать, незаметно для себя преувеличивали роль своего героя, связывая с ним едва ли не все перемены в жизни коллектива и успехи в производстве. Это шло от увлечения доказательствами в пользу героя и, вероятно, от несколько внешней позиции к описываемому жизненному массиву. Няма вводит трезвый отчет. Выпускник института молод, нет настоящего жизненного и профессионального опыта. Хозяйство - это махина со своим давним ходом механизмов и сложившимися отношениями. Худонцы - люди самые разные. Большинству из них, конечно, не хватает образования. Зато многое повидали на свете, стойки к невзгодам, трудолюбивы, сильны своим опытом, коллективным по сути, уходящим в глубины времен. Они благожелательны, хотя трудно восстановить в их глазах потерянный авторитет, Есть, разумеется, и лентяи, и

ретрограды, и просто упрямы, но в жизни так все переплетено, что лучше воздержаться от скоропалительных выводов. Словом, свежее испеченному агроному Алмансуху, герою повести, «Первый год», приходится нелегко, хотя в нэгдэлэ его встретили приветливо, создав все условия для работы. Выделили даже в персональное пользование новенький мотоцикл «Ява». Объединение с нетерпением ожидало специалиста, предстояло поднять целинные земли. До Алмансуха агротехническими вопросами занимался Дамбий. Тот согласно рекомендации председателя Балсана «практик» и теперь помощник Алмансуху. Посевные площади пока небольшие и парк соответствующий: основу его составляет два трактора да комбайн. Планы же большие и под них техника новая заказана.

Первое же предприятие Алмансуха обернулось неудачей. Надумал бетонировать зерноток. В ожидании материалов и окончания технических расчетов Алмансуха едва не просрочили уборку, первую в его самостоятельной работе. Пришлось прибегнуть к старому способу: обильно полив землю, утрамбовать при помощи школьников. С жатвой обернулись к всеобщему удовольствию, но агроном глазом специалиста видел, что потеряно, по крайней мере, по два центнера с гектара. Чувствовал себя виноватым, тем более что постройка бетонированного тока откладывается на неопределенный срок. Все силы брошены теперь на подготовку к зимовке скота.

Алмансух со временем начинает чувствовать, что, пожалуй, исчерпал аванс доверия, ожиданий. Раньше, бывало, спрашивали: вот с этой земли сколько примерно центнеров можно получить? А другие вопросы, всякие мелочи? Приходилось на каждом шагу в книгу заглядывать. Трактористы уже давно перестали «выкаты». Потом и строгий выговор получил. Выбился у них передовик, Жамгал, на новом тракторе. Две нормы за сезон. Приезжали даже из аймака изучать опыт. И тогда-то выяснилось, что агроном не уследил за качеством вспашки. Передовик-то пахал с огрехами, иногда в два, три раза меньшую, чем необходимо, брал глубину.

Отчаявшегося Алмансуха поддерживает Балсан - председатель, гибкий стратег и психолог. В земледелии он пока не очень разбирается, но ловко находит подходы к душам. Образ этого

рачительного хозяина- практика - едва ли не самый интересный образ «Первого шага»

В повести нашел отражение неизбежный конфликт между животноводческими и земледельческими интересами, обойденный почему-то предшествующей прозой. «Гомбо-молчуну досталось для распашки земли весенних кочевий старика Догой. Едва Гомбо провел первую борозду за загонами, как его встретил криками запыхавшийся от бега старик.

- Что вы делаете? Таких пастбищ на всем белом свете больше не сыскать! Зачем же разорять? Вы что, дикие свиньи, роетесь где попало? Не нашлось больше места, кабаны проклятые! - буйствовал он.

- Не со мной надо говорить, а с агрономом, он приказал, и я пашу. И больше знать ничего не знаю, - в почтительном тоне отвечал Гомбо.

Ударяя себя в широкую грудь, старик закричал во весь голос:

- Пока эта голова на плечах, я не оставлю земли предков. Хоть выталкивайте, хоть волоком волочите, не уйду!

Переключив передачу, Гомбо-молчун хотел было тронуться, как Догой-старик вдруг растянулся перед гусеницами. Оттуда он закричал:

- Раздави лучше меня, чем распарывать живот священной моей земли-матушки!

- Уйди, говорю! Пенять будешь на себя, - крикнул тракторист. Попятив машину шагов на десять, выжал газ до упора и на полной скорости понесся вперед. Упрямый старик поспешно пополз, оглядываясь на гусеницы грохочущего трактора. Миновав рядом со стариком, трактор удалился, выворачивая землю...»

Писатель выворачивает наружу проблемы, как трактор Гомбо-молчуна обильную почву пастбищ. Гомбо молчалив, но никогда не был столь безжалостным. Что это? Отчуждение человека, спрятанного в утробу техники? Но Алмансух? До какой степени можно быть увлеченным делом, чтобы не замечать весьма щекотливых аспектов? Можно ли как-то противостоять планам на пахотные площади, спускаемая сверху? Хватит ли сил у старика Догоя, чтобы оправиться от травмы? Безболезненно ли подчиниться общим интересам? Столь откровенного драматизма сцены у Нямы нечасты. Да и те, как можно судить по приве-

денному тексту, смягчаются различными эмоциональными обертонами.

В манере писателя воздерживаться от односторонности, хотя в данном произведении он изменил своему правилу. Емко экспонированная, сложная в разгаре действия, повесть заканчивается неожиданно рано, а главное, неоправданно мажорно. Повисли в воздухе многие намеченные проблемы, в частности, связанные с регуляцией интересов животноводства и земледелия. Гомбо-молчун все также ездит на тракторе, а Догой-старик, пася овец, смотрит на него с дальнего холма. Все вдруг получилось у Алмансуха: и отличный урожай на целинных землях, и старики, в том числе и Догой, примирились с его напористым, «танковым» стилем работы (с танками сравнивает трактора один из восхищенных ими скотоводов), и личная жизнь устанавливается - женится, и родители, не хотевшие съезжать, подобно Догою, с родных земель, перебираются к нему из другого аймака. Даже злополучный ток оборудует так, как предполагал. Мы ничего не имеем против этих событий, достаточно правдоподобных и даже закономерных по логике времени. Вызывает возражение художественная неубедительность их по причине скромности финала. В этом виде повесть получила некий отчетно-юбилейный характер. Кстати, она опубликована в номере журнала, посвященном десятилетию завершения кооперирования сельского хозяйства. Слабости «Первого года» были бы, возможно, не так очевидны на фоне другой стилистики. В творчестве же этого писателя они звучат как диссонирующая нота. Тем не менее, ракурс большей части повести позволил выявить в современном худонском интеллигенте черты сына арата, живущего рядом с аратами, внутренне близкого и солидарного с ними.

По мере обогащения писательского опыта Б. Няма уходит от чистой эпичности, генетически связанной с «наивной» эпикой фольклора, к структурам, где авторская воля заметнее формирует произведение. К этому, как и все современные эпические писатели, он идет двумя путями. Первым - через активизацию авторского присутствия. Вторым - через усиление драматических акцентов. Последний из них отразился очевиднее в повести «Доярка» (1972), которую можно назвать и «Доярки». В ней фактически нет главного героя. В драматический круг вовлече-

но множество людей, и несколько центральных персонажей освещаются в нем с равной рельефностью. Повод для конфликта, как это обычно бывает у Нямы, незаметный, повседневный. В свой нэгдэл вернулась после окончания сельскохозяйственного профессионально-технического училища молоденькая девушка Соосой. По образованию она техник-осеменатор, но поскольку штатные единицы заняты, согласна стать дояркой. Она первая из своего поколения, кто был направлен на учебу, возвращается в объединение. Председатель нэгдэла Зандан понимает, что ее судьба станет примером для других и от того, как у нее сложатся дела, будут строить свои жизненные планы ее сверстницы. Зандан, бывший летчик, взвешивающий свои решения и настаивающий на исполнении их, распорядился дать ей лучших первотелок.

От соседки, старушки Янсан, девушка и ее отец Сосор пригоняют коров, но Дежид, мать Соосой, бранит их за выбор. И вымя не больше чем у коз, а некоторые коровы в жир пошли. И заставляет их отвести назад. Дежид надумала выбрать самых породистых первотелок из стад всех айлов их бригады. Этому противятся все, начиная от бригадира Гунсэна, других доярок и животноводов, кончая самой Соосой. Последней просто неудобно, понимая, каких трудов стоит вырастить телок, сколько надежд возлагается на них доярками. Но мать неумолима. При удойных коровах заработок доярок просто на зависть, даже старушка Янсан получает в месяц 900 тугриков. Для начала пытается уломать молодого бригадира Гунсэна. Потом, пользуясь неграмотностью Данги, потребовала от него лучших первотелок, хотя в своей резолюции бригадир как раз это запрещал. Данга согласился и, испытующе глядя на нее, ее полное, покрывшееся капельками пота, лицо, спросил:

- Кто будет отбирать коров? Ты? Или я выберу? - Дежид, затрудняясь с ответом, молча шевелила губами. Так и не смогла сказать, что сама выберет лучших коров из его стада. Лицо человека обжигает сильнее огня, и вот неуступчивая твердая Дежид, смолчала на этот раз. Это была ее ошибка. Из отобранных коров ни одна ей не понравилась. Разгорелся спор. Сначала сдержанный. Эти два пожилых человека давние знакомые. Да и не только знакомые. Между ними было то, что связывает мужчину

и женщину на всю жизнь. Они любили друг друга, и это была у них первая любовь. Тогда Дэжид ненавидела свою судьбу дочери богатой семьи. Отец и слышать не хотел о Данги - для него тот все равно, что «нищий с посохом». «О, если бы тогда ей приснилось, что седой, на склоне лет, будет напрягать ум, чтобы обмануть, одурачить милого Дангу ради каких-то несчастных коров! Не пожалела бы для ламы золотого перстня с пальца, чтобы очистил дурное предзнаменование». Но ирония судьбы - теперешний их спор перерастает потихоньку в перебранку. Всплывает наружу грехи молодости. «Ворон ворона черноте удивился», - констатирует Данга. Конец взаимным обличениям кладет Сосор, не находящий себе места от стыда за них да и за себя. Он не знал и знать не хотел, что было с ней до замужества. Сосор прикрикнул на них, и Дежид от удивления замолчала, уж очень непохоже это было на смиренного, молчаливого ее мужа.

Так эти 15 первотелок нарушили налаженный порядок во всей бригаде, почти во всех аилах. Если спор Дежид и Данги приобрел трагикомический характер (кстати, Данга так и не отдал коров, попросту указав супругам на дверь), то для Сосора обнажил драматический смысл его жизни - подкаблучника. Принципиальный бригадир Гунсэн, решив до конца противостоять «мещанке» (по его выражению) Дэжид, входит в конфликт с председателем Занданом. Но это не пугает Гунсэна, не боится он разбирательства и на совете нэгдэла. Он решил идти до конца, вплоть до ухода с бригадирства, Настораживает другое: он чувствует какой-то глухой ропот в бригаде, даже доярки, чьи интересы он, казалось бы, защищает, переменялись в отношении к нему. И Баадай, ветфельдшер, верная его опора, тоже принимает сторону Зандана, а это значит и сторону Дежид. Что Баадай, родной отец вступился за Зандана, заявив, что Гунсен желторотый птенец и не стоит мизинца председателя. Конечно, все старики - колеса одной телеги, тем более, председатель - не специалист, без образования, не то что он, Гунсэн.

Несладко приходилось Соосой - виновнице всей кутерьмы. Постепенно в ней крепнет решимость доказать всем, что она не пешка в игре. Доказать решила трудом. Но для этого опять-таки нужны не какие попало коровы. Дело доходит до того, что часть коров должна взять у Дулмы, жены бригадира. Прежде ее на-

зывала сестрой. Дулма действительно относилась к ней как сестра, помогая в тяжелые дни. А их в короткой жизни Соосой выпало не мало: она приемная дочь, и Дежид относилась к девочке совсем иначе, чем к родному сыну.

Словом, сюжет закручен в тугой драматический узел. Возможно, это уводит в какой-то мере от поверхностного правдоподобия. Но выигрыша здесь больше: драматический сюжет позволил сломать описательные тенденции жанра и уйти от обычного постепенного накапливания черт характера. Персонажи в таком сюжете ведут себя неоднозначно, И резкие, контрастные штрихи придают объемность образам, а психологически-обыденные подробности оживляют их дополнительной достоверностью.

Центральные характеры даны в динамике перемен. Крепнет, утверждается в своей самостоятельности Соосой, причем, она, действительно, начинает ощущать себя примером для других, для тех из молодежи, кто придет вслед за ней. Горькие уроки извлек на старости лет ее отец, Сосор. Много размышляет Дулма на тему о заслугах (она передовая доярка) и о праве на воздаяние за них, такое ли оно безусловное, насколько оно перевешивает права других. Ужаснулся своей и Гунсэна слепой, самодовольной принципиальности Баадай. Сделав неожиданное открытие, он врывается к Гунсэну ночью. Уж если у кого собраны отборные коровы, то у их жен, фельдшера и бригадира. Вот чем недовольны доярки. Не по всей бригаде надо собирать по одной-две коровы, а у их жен забрать половину.

У Гунсэна и Дулмы нашлось-таки мужество прийти к правильному решению. Вся эта история закалила Гунсэна, не отучив биться до конца за свои убеждения, и в то же время дала навык непрямого, несхоластического мышления. Таким видит его в конце повести председатель Зандан, готовящий его в свои преемники и в какой-то степени нарочно раздувавшего огонь конфликта, чтобы до конца проверить молодого руководителя.

Конфликт - тест со всей определенностью проявил и облик Дэжид. Жадность подмяла в ней все человеческое. Для нее уже не существует ничего святого. Даже воспоминания о первой любви, как мы видели, не останавливают ее. Для писателя она

крайнее развитие типа Дорлига из «Родственников», хищное его продолжение. Но и отпор она получает более мощный, чем ее предшественник. Дорлигу противостоят в общем-то лишь Оюунчимэг и закон, передающие в абстрактных категориях настоятельные требования времени. Дежид же сталкивается лицом к лицу с людьми. Здесь закон предстает в живой своей плоти и оттого получает особую силу. Дежид с ее представлениями и действиями фактически не выжить в окружающем ее общественном мнении.

Повесть была написана до монгольской перестройки начала 90-х годов. И писатель сам не дожил до того времени. Поэтому трудно сказать, как бы он решал судьбу героев типа Дежид - Дорлиг с их предприимчивостью, инстинктом и жаждой выгоды и стремлением решать свои проблемы за счет других людей. Наверняка бы, как трезвый жизнеописатель, он показал бы житейские успехи и богатство этих людей. Но как выразитель народной точки зрения и как писатель-гуманист, Б.Няма, надо полагать увидел бы ущербность счастья и душевные проблемы новых Дежид и Дорлига, пытающихся строить свое благополучие на счет своих ближних.

В повести «Доярка» акценты расставляются вполне недвусмысленно. Уходит от Дежид ее дочь Соосой, которой Дежид, сама женщина, готовила женскую судьбу в самом что ни на есть замшелом-патриархальном варианте. Можно сочувствовать молодой женщине, что ее незаурядные способности завели ее в жизненный тупик, но общее отношение автора к ней, уже как к символу всего того, что тяготило его как художника, остается критическим.

Можно продолжить сравнение с «Родственниками». В «Доярке» конфликт значительно расширен, захватывая и производственные отношения и переплетенные с ними интимно - бытовые. В ранней повести конфликт утонул в описательной ткани, напоминая редкие, нанизываемые на сюжетную нить бусинки. Здесь изнутри конфликтен сам сюжет. Конфликт заостряет имевшиеся противоречия, вскрывая, например, отношение людей к Дежид или непростые производственные отношения в коллективе. Конфликт отчетливее проявляет героев, являя собой точный инструментальный психологический анализ.

Сюжет «Доярки» ничуть не условнее тех же «Родственников» или «Женщины из местности Чулуут» с их сюжетом потока буден. В «Родственниках» плацдарм изучения - аил. Остальной мир затрагивается в той мере, как он попадает в бытовой круг обитателей этого замкнутого коллектива. Проблематика сосредоточена на семейно-родовом узле. Именно этот уровень вбирает, поглощает в себя все остальные: и производственный, и социальный, и морально-этический. При таком подходе и такой герметичности описываемого мира драматический сюжет был бы явно излишен и выказал бы свою условность, деформируя характеры. Кстати, это относится и ко многим другим описательным или описательно-аналитическим повестям, углубленным в текущность повседневного (например, «Честь» Пурэва «Суть человека» Уламбаяра или даже «Новое рождение» Д.Тарвы и т.д.)

В них драматический сюжет играет вспомогательный характер и чаще строится как сопоставление жизненных позиций персонажей. То же самое можно сказать и о повестях, сосредоточенных на одном герое (например, «Земля и я» Мягмара), где основное средство анализизм или «лирическое» излияние героя.

«Доярка» масштабнее «Родственников». Цунами конфликта захватывает один за другим айлы, показывая, что они входят в более общую, структуру - коллектив нэгдэла. Оба масштаба - семейный и коллективный одинаково подробны и по писательскому интересу равнозначны. В них намечается романное соотношение: герой (член айла или в целом аил) и среда (коллектив и более очевидные на его уровне общесоциальные, общеисторические процессы).

Раскалывая конфликтом привычный свой мир, Б.Няма не изменяет обычной своей точности в повседневных мелочах. Детали емки. Вот Сосоой приходит к Дулме за коровами. Дулма в этот момент ненавидит и презирает ее за «низость»: вот, мол, как отплатила названной сестре за все благодеяния. «Сосоой поздоровалась чуть слышно и села. Тяжело вздохнув, Дулма приподнялась с места и, поставив перед девушкой еду и чай, спросила: как поживаешь?» В действиях Дулмы автоматизм художонского (или вообще монгольского) этикета, требующего, прежде всего, угостить гостя, а потом уже приступить к делам или беседе, а в данном случае и выяснению отношений.

Вообще, без учета этой художонской воспитанности, которая часто принимает формы взаимной деликатности, стремления не быть назойливым и в то же время уверенности, что всегда можно рассчитывать на помощь другого, уважение к старшим, желание обойти острые углы, неприятные для собеседника темы, не все понятно в повестях Б.Нямы и, вообще, в произведениях монгольской художонской литературы. Кстати, это обстоятельство и вообще сильные еще традиционные бытовые структуры определяют, на наш взгляд, даже стилистические особенности художонской прозы. Мы имеем в виду лаконизм повествования с его частыми эллипсами. Опускаются, как правило, общеизвестные, «формулярные» стороны бытового поведения, неизбежные, как традиционная утварь кочевой жизни. А если привлекается, то больше с целью оттенить индивидуальные отклонения.

Например, встреча Дулмы с Сосоой привлекает внимание неожиданным акцентом на этикетности. На протяжении повести еда упоминается редко, хотя, наверное, персонажи и едят и угощают друг друга. Так что в действиях Дулмы вместе с отмеченным автоматизмом просвечивают и укор, и реакции неожиданности, когда нужно что-то делать, чтобы не выдать истинных чувств. Бытовые детали становятся психологическими. Общий психологизм драматического распознавания героев распространяется и на бытовые реалии.

Логика кровной близости, верности одной темы должна была привести к определенной односторонности, что выразилось антиурбанистскими мотивами повести «Дети» (1969). Здесь отчетливее, в виде авторской тенденции, прозвучало то, что в других повестях проскальзывало в персонажных суждениях. Хорло за три года, что провела в городе у сына и невестки, нянча их детей, тихо угасает. До города чувствовала себя прекрасно, хотя жила одна, доила десяток коров и копила деньги для сына, сначала студента, а потом городского служащего. Невестка ее, Ханда, работала в художоне вместе с ней, была предельно внимательна. Ставила, например, дымокур для отпугивания комаров во время дойки, а сама еще не приступала к своей работе. Правда, тогда еще не была невесткой. Но нельзя сказать, что девушка лицемерила, просто в городской суете некогда оказывать внимание. Характерно, что в городской части повести Ханда не

называется по имени, она просто невестка, как и Сампил, просто сын, а соседка просто толстая авгай (т.е. пожилая женщина). Для Хорло она предстает в наборе социальных ролей и не более. Они обезличены непонятной суетливой жизнью.

Со смертью свекрови Ханда понимает, что держали ее в неволе, что погибла она, как должна погибнуть вольная птица в заточении. Даны и другие психологические и медицинские факторы, но главное, что пожилой женщине не хватало деревенского воздуха, свободы и естественной, привычной жизни. Тенденциозность антиурбанизма возникает из-за господства одной точки зрения - художонской. По сути дела, проникновение в городскую жизнь не получилось. Та не показана изнутри, со своими несомненными ценностями. Антиурбанизм «Детей» в какой-то мере свидетельство кризиса темы и ее автора, пока преодоленного за счет углубления в собственно художонский материал. Трезвого, реалистического подхода, а не ностальгического, отражающего оторванность писателей от воспеваемых истоков, как это иногда происходило в творчестве советских авторов деревенской темы (Белов, Шукшин, Лихоносов и др.). Хотя антиурбаническая направленность творчества последних определялась в большей мере кризисом сознания отбившихся от села и не вполне прижившихся в городе групп населения, из которых и выходят наиболее беспокойные герои наиболее тенденциозных произведений «деревенской» прозы.

Традиционное у Б. Нямы не обязательно маркируется в те или контрастные тона, только сугубо отрицательные или положительные. И старики не обязательно являются консерваторами, носителями пережиточного сознания. Как раз, наоборот, жизненный опыт - одно из ценных человеческих приобретений. Например, председатели нэгдэла Балсан («Первый шаг») и Зандан («Доярка») сильны своей пронизательностью, и умением подобрать ключ к чужой душе, вытекающие из знания жизни людей. Это вполне компенсирует их отставание в научно-производственных вопросах (в свое время не успели получить специального образования). Личностному становлению молодого парня Сухэ способствует старик Дэмдэ («Зять и тесть»). Неоднозначны характеры Янсан и Данги («Доярка»), как и центральные персонажи повестей «Гомпил» и «Дед Дандий». Гом-

пил - герой самой первой повести Б. Нямы, величественная фигура борителя бед и трудностей, олицетворение сил и нравственной высоты народа. Драматизм этого образа в слабостях традиционного мировосприятия. Гомпил суверен, как и его сверстник Дандий, хотя жизнь обоих определялась верой в человеческие силы и разум.

Коллизии нового и традиционного, молодежи и стариков поворачиваются у Нямы разными сторонами. В «Гомпиле», например, конфликт сказывается, так сказать, с точки зрения стариков. На их стороне громадный опыт, жизнестойкость, мудрость, т.д. вообще вся сумма житейского и нравственного опыта народа. Молодые (внуки Гомпила) находятся на перепутье. Выбор нелегкий, учитывая их чувство ответственности перед старшими, отцами и дедами. Кто-то должен продолжить их дело, поддержать очаг предков.

Для такого эпического писателя, как Б. Няма естественно стремление к расширению пространства своих произведений. Поэтому естественно, что в его повестях ощутимы романские тенденции. Косвенным их воплощением является роман «Биндэрья - гора с лесистым склоном». Большинство повестей по содержанию актуальнее романа, но тот, благодаря единству с ними ракурса, углубляет в прошлое их историческую перспективу. Вместе они, а сюда можно включить и рассказы, и исторические романы, дают широкую эпическую панораму жизни монгольского художона.